

Юрий Безелянский

Драма лихих 90-х

Воспоминания
и дневник
москвича

Книга вторая | 90-е годы

Воспоминания и дневник москвича

Юрий Безелянский

Драма лихих 90-х

«У Никитских ворот»

2022

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

Безелянский Ю. Н.

Драма лихих 90-х / Ю. Н. Безелянский — «У Никитских ворот»,
2022 — (Воспоминания и дневник москвича)

ISBN 978-5-00170-458-4

90-е годы - время крушения СССР как советской империи и становления новой России как демократического государства. Ломка советского уклада жизни, стереотипов, отношений, исчезновение цензуры, время гласности, новых идей и возможностей. Новая реальность, в которую не все могли вписаться. Не одна судьба сломалась в те годы. В книге подробно, шаг за шагом, рассказано, как автор вписался в крутые виражи и превратился из неизвестного журналиста в популярное медиа-лицо. Занимаясь историей, вызвал календарный бум и был назван «изобретателем Нового времени». Печатался во многих газетах и журналах, выступал на многих радиоканалах и ТВ. Написал более сорока книг, первая - «От Рюрика до Ельцина», хроника Российской истории. Что стояло за этим успехом, что происходило за кулисами жизни - обо всём этом динамично, сжато и эмоционально, без прикрас, с некоторым юмором и иронией. Поучительно для молодых читателей и ностальгически для старшего поколения. Если вы сентиментальны, приготовьте батистовый платочек...

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

ISBN 978-5-00170-458-4

© Безелянский Ю. Н., 2022

© У Никитских ворот, 2022

Содержание

Что такое дневник?	6
Распад СССР и нагая свобода	9
Картина боя	12
Маленькое предисловие	14
Анонс событий из жизни Ю.Б	15
1990 – 57/58 лет	17
1991 – 58/59 лет	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Юрий Безелянский

Драма лихих 90-х

Что такое дневник? Зачем ведут дневники?

Дневников на свете тьма. Никакой статистики нет, но ведут дневники многие (раньше – больше, сегодня – меньше). Неслучайно на киноэкране мелькают дневниковые темы: дневник горничной... женщины в белом... падшей... пьяницы... сельского священника... вора... дневник лимонного цветка (Япония, 1959), «Дневник Бриджит Джонс» (США, 2001), где героиня ведет записи о том, что надо бросить курить, похудеть и завести хорошего парня...

Дневник как исповедь человеческой жизни.

Дневник как крик души.

Дневник как откровение сердца.

Дневник как летопись (или хронология) событий.

Дневник как разговор с самим собою.

Дневник как запись потаенных мыслей и желаний.

Дневник как безделица будней.

Дневник как... еще много чего как...

В былые годы дневники и личные записи были в цене. Старое латинское выражение: *Dixi et animam levavi* («Сказал и облегчил тем душу»), а еще зафиксировал свою жизнь в памяти, ибо, как говорится в китайской поговорке: «Самые бледные чернила лучше, чем наилучшая память». Полагаться на память рискованно. Память – штука весьма избирательная. «Память – это полоумная баба: собирает яркие тряпки, а хлеб выбрасывает», – так утверждает американский писатель Остин О’Малли. Ему вторит Патриция Хампл: «В своей памяти каждый из нас художник, каждый творит».

«Память – странное сито: на нем остается все хорошее о нас и все плохое о других» (польский сатирик Веслав Брудзиньский).

«Обязательно записывайте, – часто говорил Илья Ильф своему соавтору Евгению Петрову, – все проходит, все забывается. Я понимаю – записывать не хочется. Хочется глазеть, а не записывать. Но тогда нужно заставлять себя».

Из записей Юрия Олеши:

11 октября 1935 года: «Если не записывать каждый день, даже два раза в день, то видел, что все к черту вылетит из головы, никогда потом не вспомнишь. Уже плохо помню, что было вчера. Что же было вчера?..».

29 июля 1955 года: «Очень долго не записывал. И Делакруа, и Толстой приводят, между прочим, одну и ту же причину, заставившую, по их словам, продолжать писать начатые дневники, – причина эта удовольствие, которое получали оба при прочтении ранее написанных страниц. Продолжать, так сказать, и во имя того, чтобы получить опять когда-либо удовольствие».

Хотя частенько это не удовольствие, а горечь и мука от того, что видишь вокруг.

Андрей Тарковский, 31 июля 1976 года: «Кругом ложь, фальшь и гибель... Бедная Россия!»

И, тем не менее, наперекор всему, преодолевая свои отрицательные эмоции, надо все записывать. К этому призывал Петр Вегин в своем стихотворении «Дневники» (1974):

Ведите дневники,
не будьте простаками.
Равно, как рыбаки,
удите дни за днями.
Веденье дневника
не требует таланта,
хотя похоже на
граненье бриллианта.
Не корчите судью
над временем вчерашним, пишите жизнь свою,
все, что сочтете важным.
История души
любого человека
не может жить в глуши
Отечества и Века.
Нельзя солгать на час –
зачтется все посмертно. Слагаемая часть
истории столетия –
дневник, где сплетены
сильней, чем корни, даты.
Во имя седины
пишите вашу правду.
На чердаке найдут
и отряхнут от пыли,
прочтут, вздохнут, замрут
и скажут: «Люди были...»

Другими словами, вести дневник – остаться в памяти других и таким образом обеспечить себе некое бессмертие: «прочтут, вздохнут...».

Много издано дневников. Один из моих самых любимых – дневник Корнея Чуковского. Он с юных лет ощущал в себе потребность побыть наедине с чистым листом, оставить на бумаге «туманную мысль» – след о прожитом. С годами он еще более укрепился в понимании того, что «...Дневник – громадная сила, – только он сумеет удержать эти глыбы снега, когда они уже растают, только он оставит нерастаянным этот туман, оставит меня в гимназической шинели, смущенного, радостного, оскорбленного...».

Знаменитые дневники царского цензора Александра Никитенко, он вел их с 13 лет. В 50 прервал и в 66 лет возобновил. Дневник Никитенко – уникальный документ, и, как определил рецензент «Русской мысли» в 1901 году, «это картины «доброго старого времени», эпически объективные и тем более ужасные...».

Дневники Стендаля, братьев Гонкур, Томаса Манна, Льва Толстого, Достоевского, Чехова... А женские: Марии Башкирцевой, Зинаиды Гиппиус, Анны Франк... Ну, и конечно, Алексей Суворин, Леонид Андреев, Александр Блок. Из записей Блока 16 июля 1903 года: «... Из семьи Блоков я вырожден. Нежен. Романтик. Но такой же кривляка». В ночь с 12 на 13 сентября 1909 года: «Ничего не хочу. Ничего не надо».

В цитатах можно утонуть. Каждая дневниковая запись пульсирует как живая жилка. А какие откровенные признания можно прочитать в дневниках! К примеру, Жюль Ренар в записи от 1 января 1895-го подводит итоги минувшего года:

«...недостаточно работал... недостаточно бывал на людях... недостаточно читал греческую литературу... недостаточно занимался фехтованием и велосипедом... Все больше и больше становлюсь эгоистом... Слишком много ел, слишком много спал, слишком трусил в грозу. Слишком много расходовал денег... Слишком упивался своим сочувствием к несчастью других... Слишком присматривался к газетам, надеясь найти там свое имя... Слишком много говорил о Паскале, Монтене, Шекспире и недостаточно читал Шекспира, Монтеня и Паскаля...». Все то же первое января, но уже 1943 года. Короткая запись в дневнике Ивана Бунина: «Господи, спаси и помоги».

И дневник в роли спасителя...

Я люблю усталый шелест
Старых писем, дальних слов... –

признавался Максимилиан Волошин.

Дневник – это «дальние» и забытые слова. И вспомним строки забытого Сергея Сафонова (1867–1904):

Это было давно... Я не помню, когда это было...
Пронеслись, как виденья – и канули в вечность года...
Утомленное сердце о прошлом теперь позабыло...
Это было давно... Я не помню, когда это было, –
Может быть – никогда.

Нет, было, было! – кричал Барон в пьесе Горького «На дне». Дневник – это память. «Человек – сумма своего прошлого», – утверждал Уильям Фолкнер.

Жорж Сименон в эссе «Когда я был старым» признавался: «Совсем юным я ощутил потребность в самовыражении. Я много писал... Не представляю, как я мог жить молча... Я чувствую себя богачом: я богат воспоминаниями...»

Ну, а теперь о своих дневниках. Первая дневниковая запись датирована 9 ноября 1948 года, в 16 лет. Первые тетради впоследствии были уничтожены, но записи с 1950 года бережно храню (а это несколько тысяч страниц, написанных от руки и отпечатанных на машинке). На их основе (решительно сократив и литературно отредактировав) я издал самиздатовскую книгу «Наедине со временем, или Дневник интеллигента в очках. Часть первая 1950–1989». Первая негонимая книга, за свой счет...

И вот вторая часть: 1990–1999 – так называемые лихие годы, хотя лично для меня они оказались почти звездными: из редакторской безвестности я вынырнул на голубую волну писательской популярности...

Хронику своей жизни с ее признаниями и размышлениями отдаю на читательский суд. Вторую дневниковую книгу с трепетом выпускаю в свет. И повторяю слова Шарля Бодлера: «Чтоб не быть рабами и мучениками Времени, опьяняйтесь, опьяняйтесь без конца! Вином, поэзией или добродетелью – чем хотите!». Я опьяняюсь дневниками, поэзией и историей. И главное, как советовал Николай Заболоцкий: «Не позволяй душе лениться...» И еще одна цитата (что делать: книжный человек), как говорил французский писатель Аллен: «Счастлив тот, кто видит в проделанной накануне работе следы своей воли». А за 80 лет я столько наворотил, что даже не верится. Дневники, газетно-журнальные публикации, книги, выступления... А в 7-м классе классный руководитель писал моей матери: «Мамаша, обратите внимание на своего сына: удивительно ленивый мальчик. Способный, но ленивый...»

9 марта 2012

Распад СССР и нагая свобода

*Блажен, кто видит и внимает!
Хотя он тоже умирает.
И ничего не понимает,
и, как осенний лист дрожит!
Он Жириновского страшится,
И может скурвиться и спиться,
И, по рассказам очевидцев,
Подчас имеет бледный вид.
Блажен озлобленный пшит...*

*Тимур Кибиров.
Сборник «Парафразис», 1997*

Дневник без дыма, крови и огня, без горького привкуса эпохи – не дневник, а домашняя кухонная книга с запахом котлет, украшенная цветочками, если лето, и припорошенная снежком в зиму. И, конечно, концентрат переживаний. Дневник как небольшой парк для прогулок и мечтаний среднестатистического обывателя.

Другое дело дневник буйных, безумных, сумасшедших 90-х годов XX века. Период истории, когда все дрожало, клубилось, взрывалось, горело и гибло. Когда для кого-то уютный и привычный социализм уходил под лед, а выныривало на поверхность какое-то чудовище со звериным оскалом капитализма. Многим советским людям вписаться в новые реалии было чрезвычайно трудно. Честный и безупречный труд оказался никому не нужным. Были востребованы только сила и ловкость, пронырливость и хитрость. Заводы и фабрики закрывались, исчезали многочисленные НИИ и лаборатории, и лишённые работы люди решали, куда податься: в извоз, в челноки или в бандиты. Трагедийный выбор. Отсюда нервные срывы, болезни, депрессии, самоубийства. Длительный мутный запой. Но для кого-то 90-е оказались золотым временем, временем «больших денег», и какой-нибудь незаметный вчерашний лаборант вдруг остановился миллионером. На переломе исторических вех чего только не бывает! Словом, дарвинизм чистой воды. Школа выживания.

У Виктории Токаревой есть небольшая раздумчивая повесть «Ехал грека», в ней короткий диалог:

– Что я теперь буду делать?

– Жить, – ответила Мика – ...самое главное – быть живым. А все остальное можно варьировать...

Не новая мысль. Ещё раньше это выразил герой комедии Николая Эрдмана «Мандат» Павлуша Гулячкин, посоветовавшей растерянной мамаше перед новой жизнью победивших советов: «Надо лавировать!»...

Варьировать, лавировать, мимикрировать... ну, да есть ещё одно мудреное иностранное словечко: конформизм, когда шагаешь в одном ряду о ликующей массой и выкрикиваешь лозунг сегодняшнего дня. Грустно все это и, как писал Андрей Вознесенский:

Возложите на время венки,
В этом вечном огне мы сгорели...

Многие клянут те лихие 90-е годы, особенно те, кто не вписался в тираж и вылетел на обочину жизни. Но для некоторых представителей интеллигенции, это было счастливое время:

пал ненавистный Советский Союз, исчезла цензура, вернулись к жизни замечательные книги, море новых различных СМИ – газет, журналов, радио и телестудий. Пиши, сочиняй, выступай! Хочешь в Европу – езжай. Заработай сам деньги и наслаждайся Джокондой в Лувре. Словом, 90-е – это был краткий исторический миг новых возможностей, от бизнеса до искусства.

Позади остался Советский Союз, о котором с ироничной грустинкой писал и пел Булат Окуджава:

Римская империя времени упадка
сохраняла видимость твердого порядка.
Цезарь был на месте, соратники рядом,
жизнь была прекрасна,
судя по докладам...

Попытка в августе 1991 года вернуть СССР провалилась. Вспоминая прошлое, Александр Минкин в своей рубрике «Лучше не думать» в МК писал:

«30 лет назад люди хотели конца власти КГБ/КПСС. Люди не хотели конца страны. А вышло наоборот: страны не стало, а КГБ остался, только переименовался. И КПСС осталась, только переименовалось...»

А какое ликование было в августе 1991-го! Сплошные надежды Александра Сергеевича Пушкина из «Послания в Сибирь»:

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут – и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Ошибся в прогнозах брат Пушкин, но ему простительно: не аналитик. Пройдет более 200 лет и что? «Оковы тяжкие» не упали, а напротив – крепче сомкнулись. Темницы не рухнули и свобода не явилась во всей красивой наготе («Свобода приходи нагая» – это уже другой поэт – Велимир Хлебников). В 1991-м народ, памятуя пушкинские надежды снес памятник Феликса Дзержинского, но не посмел штурмовать «готическое здание ЧК» на Лубянке (это определение еще одного поэта – Коржавина). Ну, а в декабре 1999 года президент Ельцин отдал Россию в руки молодого чекиста из Питера, и снова самовластие, самодержавная вертикаль и прочие прелести тоталитарного режима. Но об этом – в 3-ей книге Дневников.

Предисловие затянулось. От общей истории к себе любимому. Ну, а я-то? Что делал в лихолетье крушения СССР, как выжил, не сошел с ума, а взял себя в руки и осознал, что пришло мое время: время литературной свободы! Перемена вех не застала меня врасплох, я готовился к будущему, много собирал интересных материалов, писал и сочинял сам, оттачивал писательское мастерство. А сделанный в стол грандиозный календарь мировой истории по существу стал пропуском в различные отечественные СМИ. Сначала журнал «Наука и жизнь», потом популярная газета для интеллигенции «Вечерний клуб». И т.д. и т.п. Газеты, журналы, книги, радио, ТВ, творческие вечера, презентации книг, интервью, фотографии и прочий шлейф сиюминутной популярности. Звезда не звезда, но многие бурчали: «Что не возьмешь, что не включишь, даже уют, там – Юрий Безелянский».

Четверть века я был, выражаясь военным языком, на передовом рубеже, но в течение этих бурлящих лет все время что-то закрывалось: исчезло издательство «Радуга», прекратили существование многие газеты и журналы, не выдержал конкурентной борьбы канал «Дарья-ТВ» и прочее. Соответственно уменьшились различные приглашения, умолкли телефонные звонки, и остался я наедине со своими воспоминаниями и дневниками. И как бы в конечном

счете не попасть в положении горьковского Барона из пьесы «На дне» с его воплем: «Было! Все было!...» или, почувствовав свою отчужденность, признаться, как это сделал мой современник поэт Владимир Рецептер:

Сижу и молчу, опершись на кулак.
Для тех и для этих изгой и чужак.

Нет-нет, никакого отчаяния. Есть удовлетворение от проделанной работы за многие десятилетия. Есть, что предъявить и, возможно даже удивить взыскательного читателя. Впрочем, я кажется по-стариковски заговорился и пора перейти непосредственно к пламенным дневникам 90-х годов.

Читайте, вникайте, думайте, сопереживайте и делайте выводы.

26–28 октября 2020

Картина боя

*Земля тряслась – как наши груди,
Смешались в кучу кони люди,
И залты тысячи орудий
Слились в протяжный бой...
...Звенел булат, картечь визжала,
Рука бойца колоть устала...*

*Михаил Лермонтов «Бородино»
Впервые напечатано в журнале «Современник»,
1837*

Странный выбор эпиграфа. В 1812 шла Отечественная война с неприятелем, врагом, с Наполеоном, напавшем на Россию. А в 90-х годах XX века никакого внешнего врага не было. Советский Союз сам развалился, разрушился, грохнулся под грузом своих внутренних проблем, не выдержав противостояния в холодной войне с Западом. Неповоротливая партийная бюрократия и неуклюжая система планового хозяйства довели советскую империю до ручки. И СССР разбился, как цветочный горшок.

И историческая параллель, как рухнула царская Россия, иначе говоря, правящий дом Романовых. «Еще совсем недавно самодержавие стояло над нами: казалось, так крепко, что брало отчаяние, когда же и какими силами оно будет, наконец, сброшено, – записал в своей заветной тетради Викентий Вересаев. – И вот случилось как будто совсем невероятное чудо: как легко, как просто сводилось это чудовище жизни которого: казалось конца не будет. Прямо – чудо...»

И вот второе чудо: был Советский Союз – и нет его! Исчез. Растворился. Новая страна, новая аббревиатура РФ – Российская Федерация, а от бывлой советской империи откололись целые куски. Национальные элиты наконец приобрели свою власть...

По-разному пережили крах и развал СССР его бывшие граждане. Меньшая часть, партийно-государственная номенклатура, директора заводов и разных предприятий откусили от общей собственности лакомые кусочки и стали благоденствовать. А основная масса бывших советских людей оказалась у разбитого корыта, ей досталась лишь дырка от бублика. Многие лишились работы: закрылись заводы и фабрики, прекратили свое существования теплые местечки для интеллигенции: всякие НИИ, редакции, конторы «Рога и Копыта» и т.д. Россиян, грубо говоря, просто кинули. Женщины приспособились лучше мужчин, став челноками, накормили свои семьи да еще одели и обули почти всю страну.

В 90-е на Российской авансцене появились новые социальные группы, оттеснив рабочих и крестьян с прослойкой интеллигенции, ради которых и совершалась Октябрьская революция. У президента Ельцина не хватило смелости запретить и осудить коммунистическую партию, ленинско-сталинских гвардию, и они вновь замаячили на престижных должностях вместе с бывшими лидерами ВЛКСМ. К ним подключились новые социальные группы и подгруппы: олигархи, бандиты, авантюристы, разные мошенники, ловкачи, строители финансовых пирамид (знаменитый Мавроди – один из них), колдуны и колдуньи, маги и психовещатели, врачеватели и заклинатели (Кашпировский, Джуна и др.) Персонажи яркие и экзотические: Чубайс, Жирик, генерал Лебедь и прочие. Политический ландшафт страны в 90-х был пестр, экстравагантен.

Подняла голову вечно шпыняемая при советской власти эстрада и сатира. Появилось огромное число певцов, юмористов, анекдотчиков, и все они научились собирать урожай денег.

Если раньше на подмостках были пляски вокруг «дефицита» (нехватка товаров и услуг), то в 90-х язвили по поводу секса и с радостью обнажали человеческие пороки.

Короче, жизнь в 90-х бурная, драматичная, порою смешная и какая-то глупая. И на этом фоне – половодье свободы: новые газеты и журналы, книги, раскованные ТВ и радио-программы (феномен Влада Листьева). Много хорошего и необычного вдруг всплывало на поверхность бывшей тихой советской заводи, по крайней мере, в культурной жизни. И в ней, в этой жизни я со своими календарём и разными лит. придумками оказался весьма кстати. 90-е годы – это мои золотые творческие годы. В 60 лет я стал человек с именем, «Изобретатель нового времени».

Из журналиста в писатели. Первая книга – нецензурная хроника российской жизни – «От Рюрика до Ельцина» (тираж 50 тыс. экз.). Публикации в различных газетах и журналах, и даже в Америке. ТВ и радио. Творческие вечера и презентации книг. Контакты с известными людьми. Многочисленные интервью. И ярлыки к имени: «Человек-архив», «Библиоман и коллекционер», «Рыцарь Серебряного и летописец Огненного века» и т.д. Перечислять можно много всего, но лучше начать знакомиться с книгой. В ней пошагово хроникально по дням, месяцам и годам представлена творческое горение и кипение Ю. Б. И какую цену мне пришлось платить за свой успех (сколько зубов потерял при этом, какие хвори меня одолевали), – все это в книге, без фальши и лакировки, немного с гордостью, немного с юмором и с большей долей грусти и печали. «Я – все одно непостоянство...» – собственное признание.

Хватит предисловий. Развернем картину боя. 90-е...

13 февраля 2021

Маленькое предисловие

На очереди лихие 1990-е, бурное десятилетие в истории России: слом старой советской системы и вхождение в новый капиталистический период с бурями и беспределом. И внутри этого исторического процесса метущийся московский интеллигент в очках, и как писал Игорь Губерман в одном из своих Гариков:

Сильна Россия чудесами
и не устала их плести:
здесь выбирают овны сами
себе волков себя пасти.

Анонс событий из жизни Ю.Б

1990 – пустые полки магазинов. Поиск своей ниши. Вышел в свет Исторический календарь Ю. Б. В октябре Рада Аджубей дала добро на «Некруглые даты» в журнале «Наука и жизнь». Отдых на теплоходе Углич-Ярославль-Кострома. Вторая часть: Карелия, Петрозаводск. А ещё больница...

1991 – в январе первая публикация Календаря мировой истории в «Науке и жизни». Выход отрывного календаря «Забытые даты 92». Начат детективный календарь с Черняком. Поездка в Пушкинские горы совпала с августовским путчем ГКЧП. Знаковые достижения: в «Огоньке» публикация «32-й в стиле ретро», в «Неделе» – воспоминание о Андрее Тарковском, в Останкино приглашение в программу «Книжный двор».

1992 – ликвидация журнала СПК, выход на пенсию в 60 лет. Свободный журналист. Литературный секретарь у Янова. В августе начало длительного сотрудничества с газетой для интеллигенции – «Вечерний клуб». Различные вариации календаря Ю. Б. В сентябре подписан договор на книгу «От Рюрика до Ельцина». Контакты с парижским издательством «Робер Лаффон». Алла Баянова.

1993 – год сплошного трудоголизма. Календарь на конвейере во многих изданиях. Дебют в «Крокодиле». Работа над опусом о Дзержинском. Октябрьские события – о них в ВК. В «Неделе» – разворот «Тайны частной жизни». Среди тех, о ком писал: Николай Гумилев, Жорж Санд, председатель Мао.

1994 – в январе сигнал книги «От Рюрика до Ельцина». В ВК начали выходить страницы Ю. Б. о поэтах Серебряного века. Солидная публикация о гостинице «Метрополь». 22 января –полоса о Бальмонте. Съёмки ТВ – «Золотой шлягер». 1 июля выход Терры. Приезд на дом бригады из ТВ – «Времечко». В Комсомолке вышли любовные приключения, в Собеседнике – знаменитые холостяки. Книжные поклонники Гдлян и Иванов, знаменитые следователи. В «Космо» – «Прекрасная дама в стихах и в жизни» (Любовь Менделеева).

1995 – сплошная круговерть: газеты, журналы, радио, ТВ. На Р-1 запущена программа «Крылатые амуры». В «Новом русском слове» (Нью-Йорк) публикация «Венера в мехах на площади Ленина»(Захер-Мазох). В работе книга «Любовь и судьба», задуманы «В садах любви», «Луна и русская поэзия», попал в проект ТВ «Старая квартира». Интервью с Радой Аджубей, а в ВК уже интервью со мной. И еще интервью в «Журналисте»: человек-архив... Письма читателей. В конце марта Германия с выездом в Амстердам и Брюссель, затем однодневный выезд в Париж. На съемках «Старой квартиры» разговор с Татьяной Окуневской. Рекорд: 178 газетно-журнальных публикаций. Расставание с «Наукой и жизнью»: Боливар не выдержал... В «Работнице» – Сергей Есенин, в ВК Зинаида Гиппиус.

1996 – на Пятницкой р/с «Голос России», в программе Валерия Горкина «Четвертая власть» большое интервью. На р/с Надежда – в программе «Час любви». На ТВ на Шаболовке. В ВК – Оскар Уайльд. И с коллективом ВК теплоходом по каналу. Ресторанная тусовка в ЦДЛ. А в конце марта – тур Италия дель Арте. Верона, Венеция, Пиза, Флоренция, Рим, Ассизи...

1997 – творческая молотьба на пишущей машинке. В Вечорке запущена рубрика «Вблизи Парнаса и Голгофы». «Любовь и судьба» в рейтинге самых читаемых книг. Новый журнал «Каприз». Встреча на Ильинке с высшим чиновником Иваном Рыбкиным. В середине апреля тур «Очаровательная Вена» с выездом в замок Майерлинг. Еще поездка в Зальцбург. В ВМ публикация о Джеймсе Бонде, агент 007. Сбор в честь 5-летия филиала газеты «Новое русское слово». Поиски новых издательств. Журнал «Элле». 6 августа – Аиф о Ю. Б. в рубрике «Жизнь на фоне Москвы». Удача в издательстве «Радуга». Пришел и заключил договор, и была издана «Вера, Надежда, Любовь».

1998 – урожайный год. Вышли две книги: «Поцелуй от Версаче» (Звезды, кумиры, идолы) и «Вера, Надежда, Любовь», запущен в «Современнике» – «Налог на любовь». Куча газетно-журнальных публикаций от «У самовара я и Чернышевский» до «Ароматов парижских кафе». С Быковым вышло совместное интервью в ВК о старой и новой журналистике. Творческий вечер в ЦДЛ. В Горбачев-центре встреча-беседа с Михаилом Сергеевичем. И Париж в середине мая.

1999 – рекорд по книгам – четыре! – «Улыбка Джоконды», «Налог на любовь», «Страсти по Луне», «Клуб 1932». Начало сотрудничества с журналом «Аккорд». В ВК рубрика «Россия, XX век» – спецвыпуски по десятилетиям века. Выступление в «Клубе Раисы Максимовны» по теме: «Женщины и масс-медиа». «Дарьял-ТВ». 7 августа съемка первой программы сериала «Академия любви»: «Пушкин и женщины». В сентябре тур по Германии: Берлин, Гамбург, Бремен, Кёльн по берегам Рейна, Франкфурт-на-Майне... 29 сентября – от «Радуги» в Тверь, презентация книг. 29 октября – юбилей иновещания. 6 декабря – в редакции ВМ встреча героев книги «Клуб 1932». В течение года занимался книгой «5-й пункт, или Коктейль «Россия».

1990 – 57/58 лет

7 января

Как встречали год Лошади? Горели три свечи, стояли три бутылки (коньяк, ликер и минеральная), ели яблоки, пили кофе, заедали югославскими конфетами, даже один раз потанцевали. Досидели до 3-х часов ночи. По ТВ Эдита Пьеха утешала:

Ничего, что время проходит,
Ничего, все должно получиться.

Что именно получится, – Пьеха не уточняла. Но лучшим номером новогодней программы была песня «Хелло, Долли!» в исполнении Барбары Стрейзанд и Луи Армстронга. На другой день порадовал ядовитый рассказ Жванецкого о том, как унижает и хамит государство маленькому человеку, а потом его спрашивает: «Ты меня любишь?».

Жизнь потеряла свою стабильность. Теперь все, как на вулкане; того и гляди накроет пеплом или снесет лавой. Одна отдушина: печатаю свои заметки об Италии, разумеется, в стол, и вспоминаю, вспоминаю... Ходили в гости к Куриленко и вместо уютных разговоров о прочитанном и увиденном в кино – горячечные разговоры о политике: о возможной гражданской войне, о грядущих погромах. Молодое поколение намерено тикать из страны, не видя тут для себя никаких перспектив. Ну, а что делать нам, пожилым и старым?..

21 января

По Николаю Рубцову: «Что было веселым в начале, то стало печальным в конце...». Чувствую, как все болит и разваливаюсь, даже ногти ломаются. Не мудрено: помимо возраста, что едим, что пьем, чем дышим? Пресса бьет тревогу: в пище много тяжелых металлов – соединений кадмия, цинка, еще свинец. Экология – проблема номер один.

Все завязалось в один страшный узел: экология, политика, экономика. Мгновенный крах коммунистических стран Восточной Европы. Все отрешиваются от социализма, от советской модели развития. А что деется у нас? Экономический развал. Политическое брожение. Вслед за Литвой, которая хочет уйти из-под ига Советов, забурлил Кавказ. Карабах. Резня, погромы. Ленкорань заявила о выходе из состава СССР. Трещит по швам империя. Что грядет? Смена режима? Сильная рука? Диктатура? Одно ясно: не будет спокойной старости. Вот такие дела, господа офицеры и рядовые радиослушатели, как пошутил диктор. И как сказал Александр Невзоров, звезда ленинградского ТВ: «Наша жизнь становится, по-моему, все отвратительнее...» Тут получил талоны на сахар. А на ботинки будут талоны?.. Морозы сменились оттепелью. Настроение так себе...

28 января

В прошлое воскресенье программу «7 дней» Сагалаев начал так: «Наберитесь мужества...» И тут же кадры из Азербайджана: погромы, кровь, танки, боевики из народного фронта... И Москва отличилась. 18 января в ЦДЛ к писателям объединения «Апрель» ворвались представители «Памяти» и учинили шабаш. Пообещали в следующий раз придти с автоматами и уничтожить писателей жидо-масонов. Газеты полны возмущений. Юрий Щекочихин потребовал от министра МВД Бакатина ответа: почему милиция оберегает «Память»? Преторианская гвардия для особых целей?.. Идут местные бунты против партаппарата в Тюмени, Волгограде и других местах: скидывают первых секретарей, членов обкома... В Восточной Европе спешно избавляются от коммунистов и сажают руководителей на скамью подсуди-

мых. Кое для кого сладкая коммунистическая сказка заканчивается... А мы? Евтушенко в «Огоньке» выдал стихотворение «Половинчатость»:

Полубоимся, полубезобразим...
Немного тот, а все же полутот
Партийный слабовольный Стенька Разин
Полуидет на полуэшафот...

«Свобода половинная» «Родину не полуспасет», и, действительно, все делается половинчато: верхи боятся кардинальных мер и перемен, а низы погрязли в замшелых догмах и только гремят социалистическими кандалами. Одна женщина вопила по ТВ: «Нельзя Ленина убирать из мавзоля!» Так и сказала: из мавзоля! И эта не только лексическая, но, прежде всего, политическая, социальная, этическая неграмотность. Какая-то слепая языческая вера в социализм и боязнь капитализма (хорошо поработали в свое время наши поэты и пропагандисты, начиная с Маяковского).

4 февраля

Во время обеда с Григорием 29-го сбежали на выставку, которую собирал в течение 35 лет некий Леонид Бессмертных и представил на Петровских линиях. Эротика, от античности до наших дней. Сенсация. Шок. То, что мы смотрели с Черняком в Швеции-Дании, представлено у нас. Любые картинки: груди, зады и лоно. Посетители смотрят внимательно и сосредоточенно. Как кто-то сострил в газете: «На вернисаже как-то раз меня эротикой потряс...». Эх, такую бы выставку да посмотреть в 1949 году в 17 лет! А в то время потрясали только надписи на заборах... А какие книги! И все это тщательно скрывалось от советского человека: главное – труд, а всего остального – как бы не существует... На выставке впервые увидел тексты Ивана Баркова, о которых только слышал. «Еб... мать, сказала королева, увидя х.. персидского царя...». Не хочу приводить матерные слова и тем самым осквернять свой дневник. Непристойности? Но живем-то в непристойные времена!..

В бывшей «Лире» новый иностранный ресторан «Большой Мак», тысячная толпа страждущих. Что, нас стал кормить иностранный дядя? Позор какой-то... Отвлекаю себя от проблем и клею фотоальбом. Дома популярная фраза: «Ложись! Снимай штаны!» Ще неосторожно повторила ее на работе, на что Лиля вполне серьезно сказала: «А зачем?» В подверстку эротике.

11 февраля

Дневник пишу раз в неделю, по воскресеньям. И что? Был грандиозный митинг, более 200 тысяч на Манежной площади. Разные лозунги: «С кем вы, Михаил Сергеевич?», «Лучше склероз, чем такая «Память» и т.д. Были и крики: шельмуют партоаппарат!.. Приезжал госсекретарь США Бейкер, налаживать контакты. Парадоксальная ситуация: все хотят помочь тонущему социалистическому кораблю. Очевидно, на Западе считают, что лучше иметь дело со спокойным и сытым медведем, чем с разъяренным и голодным медведем-шатуном. А в итоге проснешься в один день в России и подивисься: кругом одни «Макдональдсы». Дай-то Бог! Хотя бы в старости лет пожить приличным образом...

18 февраля

Недели так и шелкают!.. Воскресенье – и снова воскресенье, успевай только записывать в дневнике, ибо событий – пруд пруди. После Баку волнения в Душанбе. Волной по стране катятся митинги, забастовки, отставки областных партийных руководителей. Страна корчится и вздрагивает, а я, как летописец, стараюсь занести в свой Календарь самое интересное. Изне-

могаю от чтения, вырезок и записей. Хватаюсь сначала за прессу, а журналы лежат и ждут. А еще быт. Тут пошел получать белье в прачечной, и там кипят страсти: закрываются пункты приема белья, некому работать, на фабриках нечем стирать и т.д. Рассказываю Ще, она в слезы: «Давай уедем!»

Звонил Хаче, человеку ныне близкому к Кремлю и Совмину, он: «Принимаем интересные документы». «Оно и видно, – говорю я, – результат налицо». «Не, не ехидничай», – парировал он. Да, наши пути с ним разошлись: я среди бедствующего народа, он – в ряду жирующего чиновничества и весь в административном восторге.

25 февраля

21-го позвонила Майя, жена Гаврилова: умер Аркадий и рыдает. Он подготовил книгу переводов американской поэтессы Эмили Дикинсон и поехал на Качалова в студию грамзаписи послушать, как записали ее стихи, прихватило сердце, – и нет Аркадия Гаврилова. Собирали книги, переводил, писал стихи сам и в 58 лет сгорел (он с 1931). Очень жалко его, он хотел со мной дружить, а я как-то не шел ему навстречу...

А на следующий день – ЧП. По гороскопу это был счастливый день для Рыб, ну, а мне выпало исключение. Ушел рано с работы, номер сдали, расслабился плюс мысли о Гаврилове, короче, увидел на Соколе пустой троллейбус и бросился к нему, а тут мчится трамвай и не трезвонит. Я в него буквально врезаюсь: увидел поздно, опять же плохое боковое зрение. Ударился о металлический бок трамвая и отлетел от него в грязь. На какую-то секунду потерял сознание. Лежу и никто, естественно, не бросается меня поднять, хотя метро рядом и кругом куча народа. Наконец, подлетает маленькая женщина, оказалось, водитель трамвая и просит, чтобы ей подписал справку, что она не виновата. «А я вас не виню, – говорю я, – сам виноват». Просит телефон, я ей дал, и она несколько раз звонила: «Это Зина, ваша обидчица, ради Бога простите меня, пожалуйста, давайте я вам возьму ущерб...»

«Нас всех подстерегает случай!...» Я и трамвай. Я и Зина. Перекрещивание судьбы. Пришлось обращаться в травмопункт. Хирург постучал пальцем по черепу и заявил, что он цел. Обошлось и без сотрясения мозга. Только дуля на лбу от удара. А в эти же дни на улице Горького рухнул карниз, и насмерть прибило москвича-пенсионера, а до этого погибла молодая женщина – рухнула наледь с крыши... Все ходим под Богом, как гласит народная мудрость.

4 марта

Накануне 58-летия одолела хвороба с высокой температурой. Дали бюллетень. Ще в панике, но наутро 1-го я запел: «Знаю я одно прелестное местечко, под горой, где маленькая речка» (из оперетты «Холопка»), чем страшно перепугал супругу. 2 марта встретил со слабостью во всех членах, но тем не менее активно читал. В «Вопросах истории» интересные материалы, связанные с Плехановым, Троцким и Раковским... В «Огоньке» – Амальрик «Доживет ли Советский Союз до 1984 года». В «Литературной России» – письмо 76-ти писателей России (от Проскурина до Шундика), все подписанты брезжат слюной ненависти к «Огоньку», «Юности», «Взгляду» и другим популярным изданиям. Сальеризм. Троечники завидуют отличникам литературы – Вознесенскому, Битову, Фазилю Искандеру и другим. А первый у заединщиков враг – Виталий Коротич.

9 марта

Вытащили на свет много ранее закрытых материалов, которые по-иному высвечивают фигуры вождей. И возникает неприглядная картина: проводились эксперименты над собственным народом. Кровь, боль, страдания. Миллионы обманутых лжепророками, и самое ужасное то, что эти обманутые, народ, не хотят знать правды и продолжают верить в своих идолов. На каком-то митинге я случайно услышал, как одна женщина яростно отбивала атаки на КПСС и

кричала: «Вас партия всю жизнь вела по правильному пути!...». Их вели! Как выразился Вознесенский: «цыгане социализма». Вели и привели в тупик...

18 марта

На экономическом семинаре в Домжуре Татьяна Корягина подтвердила, что развал империи неизбежен. И что «нужна честная политика – все заврано...». Сидящие в зале журналисты остро реагировали на такие понятия, как частная собственность, безработица, – всем было страшно. И все дружно просили лекторов: «Дайте хоть немного оптимизма!» И все полагались на авось: авось пронесет. Уцелеем. Не развалимся. Новации пугают. Кто-то создал кооператив, заработал деньги и тут же был ограблен и жестоко избит.

Новые времена? И это не фильм Чарли Чаплина, а наша новая реальность. Как написал в газете «Экран и сцена» Юрий Богомолов: «Абсурдизм, который еще в 70-е годы казался сугубо интеллектуальной проблемой, ныне стал бытовой, житейской... Мы вышли в открытое море абсурдизма. Один берег постепенно скрывается из виду, другого не видать. Одни мифы отринуты, другие не придуманы. Мы в положении Одиссея. Впереди соблазны, ужасы, сирены, циклопы и прочие кошмары...».

Так оно и есть.

1 апреля

В типографии в Чехове журнал завернули: грязные страницы. Пришлось звонить в Чехов и бархатным голосом просить не выкидывать журнал из графика. Кто виноват? Не только машинистка, техред, ответственный секретарь, но и вся страна: ленты нет, клея нет, бумага неформатная и разных оттенков, короче, – бордель!..

В «Лит. России» помещена стенограмма последнего пленума писателей России: снова вопли и крик, русских писателей обижают писатели-евреи. Бондарев, Куняев, Бондаренко, – до чего же агрессивная публика! В «Советской культуре» и в «Известиях» дана отповедь... Писательские голоса – это всего лишь писк по сравнению с тем, что происходит во всем мире. Кругом какой-то глобальный ледоход: ледяные глыбы сдвигаются, наскакивают друг на друга, рушатся, тают... Господи, пожить бы еще, узнать, что будет дальше? Как будет распадаться советская империя на части... Закавказье, Прибалтика, Украина, Молдавия – все бурлит,] еще дуэль Ландбергис-Горбачев. Как все это вместить в мой исторический календарь, ума не приложу...

8 апреля

В ЦДЛ за кофе с Анисимом обсуждали перспективы работы в каком-то предприятии-кооперативе с трудновыговариваемым названием, где Анисим должен заниматься рекламой, а я – публицистикой. Грандиознее планы: вечера шоу, моды, спектакли, зарубежные связи и т.д. Как у Ильфа и Петрова в «Двенадцати стульях»: «По темным углам дворницкой вспыхивал и дрожал изумрудный весенний свет, брильянтовый дым держался над потолком...». Непонятно, что это все – грандиозная панاما или новый шанс для успеха?..

Вздых-воспоминание спустя 20 лет: и сколько было таких встреч и надежд: то одна возникла идея, то вспыхивала другая. Метались, надеялись, мечтали, – и все оказывалось пустым. Не журналистикой, не литературой надо было тогда заниматься, а купить по бросовым пенам какой-то завод или цех, а еще лучше припасть к газовой трубе или нефтяной скважине, и качать миллионы. Не допёрли. Лопухи-романтики... Но, с другой стороны: остались живыми. Сколько предпринимателей полегло на полях первоначального

накопления капиталов, при приватизации, при дележе собственности... (17 ноября 2010)

15 апреля

Работа в журнале идет сама по себе, а я весь в поиске исторических персон для своего Календаря мировой истории. Познакомился с книгой Воронцова «Чан Кайши», о судьбе китайского Бонапарта. Календарь все прибавляется, пухнет, интересно, будет ли он когда-нибудь опубликован или хотя бы фрагменты из него?..

Еще одна новая фигура в Календаре – писатель Вячеслав Пьецух: «Наше государство еще не научилось существовать, не грабя своих работников...» О евреях: «...никак в толк не возьму: чего к нашим евреям прицепились нынешние лабазники – ведь они такие же несчастные, как и мы!.. Вообще, тяжелая наша страна, беспросветная какая-то и не приспособленная для жизни...».

Но кто-то ведь должен быть виноватым? Враги, евреи, только не мы сами. А евреи кругом, даже Пушкин не Пушкин, а Пушкинд, Лермонтов – это Мойше Лерман. А если доходить до абсурда, то Юрий Бондарев – Арон Бундер. «Евреи, евреи и даже в Мавзолее!..». Как написала в одном фельетоне Татьяна Толстая: «Куда бежать, православные?!».

6 мая

Еще одно ЧП. 27 апреля в редакции подошел к шкафу за томом БСЭ (опять Италия!), и вдруг сверху падает толстенное стекло и разбивается на мириады мелких осколков. По касательной по голове, но руку задело и хлещет кровь. На ровном месте. У книжного шкафа! В итоге хирург, уколы, перевязки, – и можно петь песню Шульженко «Руки»...

Первого мая по ТВ посмотрели необычный митинг-маевку. Народ вышел с лозунгами «Долой!» и «Из кресла – на нары!» Власть дозволила свободу и тут же получила по полной программе: недовольствие и гнев.

15 мая

Неожиданные осложнения от противостолбнячной сыворотки: красные пятна на ногах, какие-то еще воспаления, давление, температура, все 33 несчастья. Две «скорые»...

22 мая

Все кончилось тем, что попал на 7 дней в больницу № 24 на Писцовой улице, где лечат «сыворотчиков». Отделение лекарственной патологии: не я один с аллергическими неприятностями. Активно лечили, подробности опускаю: не так уж все это интересно. Когда лежишь в палате, то все интересно, а вышел из больницы – все забыл.

Санаторий на Писцовой.
Возрождение к жизни новой.
Благодарен, что живу.
Ем и пью, в окно гляжу.
Жизни снова я гонец.
Хорошо, что не «песец»...

Любопытный был разговор с одним больным, который заявил, что не верит ни в социализм, ни в партию, ни в правительство. «А когда разуверились?» – спросил я. Он ответил, что давно, что еще в коллективизацию насмотрелся всего – и беззаконный, и издевательств. Ну, а я, когда пришел в себя, с упоением читал принесенные журналы – «Вопросы литературы», «Горизонт» – о Пастернаке, о генерале Григоренко, о гонении на Лидию Чуковскую... При

выписке подтвердилось, что была сывороточная болезнь, вкололи лошадиную дозу сывотки. А раз так, то на ипподром ни ногой, – шутка...

27 мая

Вчера в «Правде» помещено письмо одного партийца: «...партия непростительно виновата перед народом за неслыханные злодеяния, массовое насилие, уничтожение интеллигенции и крестьянства, подавление свобод, оболванивание людей, коррупцию, ложь и демагогию, ублюдочную экономику...». Читаю и не верю: это в «Правде»?! Но куда денешься от правды: провал во всем. Покупаю кипу газет, и в каждой горькие факты и гневные обвинения, куда завели некогда преуспевающую Россию?.. В кинотеатре «Ленинград» смотрели американский фильм «Замужем за мафией», в главной роли Мишель Пфайффер. После картины зашли в магазин, там не в зале, а во дворе дают банное мыло. Столпотворение, набирают сумками. Очередь хмурая. Кто-то из ребят-грузчиков решил разбить угрюмость и запел: «...А Ленин такой молодой!..». Никто даже не улыбнулся... А в винном магазине кому-то в кровь разбили лицо, он причитал от боли, а ему сурово отвечали в толпе: «Что кричишь, как баба!» Картинки с выставки. Но не Мусоргского, а наших дней. В «Огоньке» стихи Льва Лосева:

Что делать – дурная эпоха.
В почете палач и пройдоха.
Хорошего – только война.
Что делать, такая эпоха
досталась, дурная эпоха.
Другая пока не видна...

17 июня

В редакции постоянные булавочные схватки с Фоминым. Он втыкает в меня, а я не остаюсь в долгу, и как сдача номера, так лихорадка: заголовки, клей, бумага, стрессы и стрессики, хотя лично я пытаюсь не выходить из берегов и сохранять олимпийское спокойствие... Греет надежда на издание нового частного журнала под названием «БРИМ». Чиж попросила написать предисловие. Конечно, сочинил. Концовка такая: «Читайте новый журнал «БРИМ». Ни дня без Брима.

БРИМ – это литературный Крым.
Немного прошлого дым.
Да, в целом, – «хорошо сидим».
Читайте «БРИМ»!

Реплика. Оглядываясь назад: «БРИМ» так и не вышел. Идея не реализовалась. Все тот же бриллиантовый дым... (18 ноября 2010).

8 июля

С интересом смотрю матчи чемпионата мира по футболу и с неменьшим интересом читаю съездовские выступления. Доклад Горбачева разочаровал: неяркий, стертый, какой-то творчески бесплодный. Из нынешних верховных руководителей мне импонирует один – Александр Николаевич Яковлев. Умница. Все правильно понимает и говорит на нормальном человеческом языке, а не на языке партийных заклинаний... Но именно его многие не любят, а «Молодая гвардия» сплясала на нем отвратительный канкан.

Дочитал «И возвращается ветер...» Владимира Буковского в шестом номере журнала «Театр». Пропаганда рисовала нам его как примитивного уголовника, а он – тонкий, все понимающий, чувствующий человек. Да еще и беспримерного мужества (таких с десяток: Сахаров, Солженицын, Марченко, Новодворская и т.д.). Буковский презрел карьеру, комфорт, покой и бросил свою жизнь на алтарь идеи – добиться свободы в СССР. Буковский и другие диссиденты, инакомыслящие, отказники и прочие борцы с режимом и раскачали, в конечном счете, этот огромный имперский корабль и заставили его идти по курсу демократии и гласности. А я вот включиться в эту борьбу, и надо честно в этом признаться, не смог. Остался всего лишь во внутренней оппозиции и бунтовал иногда в своих бумагах в стол. Нет во мне искры Аввакума. Я – историк, свидетель, летописец, а не боец баррикад. Я, как Ежи Лец, считаю, что если головой разбить стену камеры, то обязательно окажешься в другой...

15 июля

Закончился 28-й съезд КПСС. Леонид Лиходеев съехидничал: «Может быть, социализм и с поротой задницей». Десятилетия страха и немоты прошли, и маятник остервенело качнулся в другую сторону: публично говорят так, как все равно что быют по морде! В адрес социализма и партии звучат звонкие затрешины, что только диву даешься. Вот уж воистину от аллилуйи к проклятию, – один шаг.

22 июля

Вечером 15-го пошли на грандиозный митинг демократической общественности. Море людей. Лозунги, плакаты, знамена. Перечеркнутый Ленин. «Каждому коммунисту – отдельный мавзолей» и т.д.

Человеческая масса наэлектризована, дай приказ – и Кремль разнесут в клочья, по кирпичу. Милиция спокойно взирает на происходящее и никого не берет за грудки: бояться кровопролития. Тут же продают неформальные радикальные издания, и какая-то женщина продавала сливу. Стоит спокойно так и торгует сливой. Покупают. И это было весьма удивительно. Митинг митингами, а слива сливой. И покричать хочется, и покушать сливу...

Ну, а моя позиция? Хватит играть в идеи и догмы. Хватит социализма, дайте народу свободу не только слова и передвижения, но и выбор разнообразной работы. Жизнь одна, она кончается и зверски хочется пожить по-человечески: имея деньги, позволить себе то, что хочется. А хочется, как известно, в Париж...

И опять ремарка из будущего. В Париж попал спустя 5 лет. Свободы пришли, но дозволенные и в урезанном виде. Так называемая «суверенная демократия». Ну, а митинги запрещены. Правда, горстки народа собираются, но никаких грандиозных шествий 1990 года нет и в помине, как нет и Манежной площади. Кто тогда предполагал, что все кипение и бурление кончится строгим порядком, ОМОНОм и дубинками... (18 ноября 2010).

5 августа

1 августа отмечали 50-летие Ще на работе, а 4-го – дома. В итоге 99 роз (не поленился посчитать) плюс 13 георгин и 8 коричневых ромашек. Заполнены все вазы и бокалы, банки и прочие стеклянные штучки. И все это источает аромат. Я написал несколько вариантов стихотворных поздравлений. Вот один из них:

Не надо морщить лоб, и думать, и грустить,
Считать года, как стертые монеты,
Печально так смотреть и зеркало хулить

За возрастные всякие приметы.
Что нам дано – того не поменять!
А по сему не будем озлобляться
Не надо все плохое замечать,
А лучше петь и улыбаться!..

12 августа

Сделанный мною юбилейный альбом Ще вызвал неоднозначную реакцию. Анисим оценил альбом как творчество Петрарки (я долго смеялся по этому поводу), на работе у Ще после просмотра альбома у одной сотрудницы мгновенно заболела голова, другая поджала губы и т.д. Словом, почему не мне?!..

8-го кончились продукты, и пошел на рынок. Он почти пустой, и это летом! Купил всего лишь один кабачок.

Мы теперь уже ветераны,
Но об этом, товарищ, молчок!
Раньше я любил баклажаны,
А теперь я люблю кабачок.

Ни мороженого, ни минеральной воды, ничего. Вышел на улицу и матерно выругался. Сзади шедший пьяненький рабочий поддержал: «Правильно, отец! Страна е...ная!». В третьем номере «Нашего наследия» письма художника Мих. Нестерова. 23 ноября 1917 года он писал:

«Не стало великой, дорогой нам, родной и понятной России. Она подменена в несколько месяцев. От ее умного, даровитого, гордого народа – осталось что-то фантастически-нелепое, варварское, грязное и низкое... Все провалилось в тартарары. Не стало Пушкиных, нет больше Достоевских и Толстых – одна черная дыра и из нее валят смрадные испарения – «товарищей» – солдат, рабочих и всяческих душегубов и грабителей...».

Как духовито. Спустя 72 с половиною года Андрей Нуйкин в «Огоньке» о том же самом, о социализме: «Все мы нахлебались его досыта, до тошноты... я презираю этот насквозь прогнивший, насквозь лицемерный строй, ведущий к нищете, невежеству, нравственному одиночанию, бессмысленному разграблению и запakoщиванию природы; строй, при котором кучка невежественных, бездарных политиканов и уголовников может бесконечно долго и безнаказанно измываться над великой державой...».

При Нестерове ЭТО началось, при Нуйкине ЭТО заканчивается. В этом году небывалый урожай, а собрать не могут: нет машин, бензина, хранилищ, людей и т.д. И при этом крик генералов: не трожьте великую армию, наши дачи, привилегии, пусть все останется как есть...

19 августа

Задуманный Чижом журнал, кажется, заглох. И Чиж к нему охладела, заявила, что он чересчур эстетный и его будут плохо покупать, мол, сегодня нужно иное: астрология, хиромантия, секс, загробная жизнь, – вот что читают. А кому нужен, к примеру, Булгаков?!.. Обидно. Так хотелось увидеть свой Календарь напечатанным.

26 августа

«Огонек» продолжает наносить нокаутирующие удары системе, режиму, разворачивает полотно ужасного исторического прошлого. «Сплошная чернуха!» – кричат патриоты. Действительно, позади чернота, а что впереди? Кинорежиссер Сергей Соловьев в интервью говорит, что пытается отвоевать хотя бы «один кусок жизненного пространства». И далее: «Нена-

вижу корчить многозначительную трагическую мину. Нужно просто иметь силы и мужество жить дальше».

Да, дальше, дальше... В пятницу с утра помчался за газетами. Когда-то бегал за «Футболом», в эпоху перестройки – за «Московскими новостями», теперь за приложением к «Метрополису» – «Экспрессом» и еще за «Коммерсантом» – самые интересные ныне издания. Получили 190 рублей по старым облигациям: 40 истратили на кофту Ще, а за 40 рублей купили Набокова: под одной обложкой «Машенька» и «Лолита». Своя Лолита! Не мечтал... Посмотрели ныне всеми обсуждаемый документальный фильм Сергея Говорухина «Так жить нельзя». Володя Ильин заявил: антисоветский фильм. Боится за себя, за свои привилегии... Но как говорил Давид Самойлов: времена не выбирают, в них живут и умирают. Главное, найти свою нишу. Я нашел: книги, календарь, дом.

2 сентября

Интересненькая газета «СПИД-инфо». Чего там нет, даже про женский онанизм. И всякие фокусы и извращения, а мы-то в юности ничего такого и не знали. Только надписи на заборах. Были сексуально дремучими и, соответственно, сколько недополучили удовольствий. Все фрагментарно, наспех. А сколько миллионов семей из-за постели было порушено и оборвано разных любовных связей. Государство только приучало, привязывало к труду, а все остального как бы не было. «У нас секса нет!» – истерический крик одной дамы на ТВ.

9 сентября

После зубной эпопеи еле пришел в себя... Паника с продуктами: слух о том, что пропадет соль, пришлось купить две пачки. На работе получил заказ с ивасями (зарплата в ивасях?). Газеты развлекаются: что будет, когда ничего не будет? Ответ: ничего не будет. Но все равно выживем. Страх сменился даже некоторым азартом: ну, что там еще исчезнет завтра?!

На сессии Верховного Совета обсуждение программы приватизации-капитализации. И все боятся. Патриоты надрываются: у России свой путь! нам сытость не нужна, главное – дух, духовность и т.д. Разудалое время!.. По «Маяку» передавали лихую песенку:

А мы при чем, мы не виноваты –
В такой-сякой период родились.
Мы как-то не на тот попали эскалатор:
Другие чешут вверх, а мы сандалим вниз...

16 сентября

Убит Александр Мень, 55 лет. Ще в плаче: «Стрижев обещал познакомить с ним, и вот...» Учился в 554-й школе, младше меня класса на три. В материалах об отце Мене: его убийство – вызов бесовских сил. Многим он был ненавистен. Интеллектуал-священнослужитель с добрым сердцем. Такие не нужны. Такие мешают. И бесы сожрали его.

Отпуск-90

На теплоходе «Дмитрий Донской» сплавали по маршруту Углич-Ярославль-Кострома. Отправились 19 сентября под марш «Славянки». Каюта узкая, как железнодорожное купе. Но главное – нет гранок, гренок, Фомина и прочих, одна благодать. Только шлюзы и шлюзование на водном пути. Один из них застал меня в туалете. Так сказать, двойное шлюзование, опускаешься вниз вместе с Дмитрием Донским...

Из канала имени Москвы в Московское море... пристань «Ново-Окатово» – бывшая усадьба Фонвизина... Калязин... Скрытая на треть под водой Калязинская колокольня – зрелище в духе фантазий Сальвадора Дали. Затопленные, погубленные земли – безумные творения сталинистов-мичуринцев.

К вечеру 20-го причалили к Угличу. Немного погуляли по городу. Зашибленный, затурканный народ, живущий под красующимся лозунгом «Победа Октября – главное событие XX века». Но для угличан основное событие – достать что-либо съестное да выпивку. Супротив кафе «Петушок» возвышается памятник Ленину...

21-го Кострома. Побывали в Ипатьевском монастыре. Состояние полуразрухи, а как могло бы красиво смотреться: монастырские красные стены, златоглавые купола церквей, кресты... А вообще, Кострома – купеческий город, недаром здесь снимали «Бесприданницу». Мучные, табачные, пряничные, масляные ряды... И опять все портит Ильич с воздетой рукой... На улице Симановского сохранился деревянный узорчатый дом, а так – какие-то хибары, развалюхи, старые, никогда не ремонтируемые дома, собаки, старухи, коты... Убогость и запах провинции...

На следующий день – Ярославль. Прекрасная набережная. У церкви Ильи Пророка – бойкая торговля кооперативным изданием «Любовники Екатерины» – святость и грех мило соседствуют...

23-го обратно. Последний шлюз. Шлюзуемся в компании «Багратиона» и «Клары Цеткин». А с утрачка 24-го отправились на автобусе в госплановский дом отдыха «Вороново». Тут чувствуется дотация, и второе блюдо «Азу» какое-то явно доперестроечное – из мяса... В холлах много мрамора и от этого тяжело дышится. А так, вроде, все ухожено и облагорожено. Где-то еще существует церковь с крохотным кладбищем.

Жизнь! ты море и волнение!
Смерть! ты пристань и покой!.. –

писал Карамзин в 1802 году.

Много гуляли, дышали, смотрели кино – по экрану и по видео (разрешенная игривость) – «Последний девственник Америки». Шлягеры по радио: «Подожди – дожди, дожди. Я оставил любовь позади, и теперь у меня впереди – дожди, дожди...» И, действительно, погода была капризная и с дождями. В последний 11-й день, 4 октября донимала полная луна. Проснулись среди ночи: ослепительный голубой свет... Вернулись в Москву: все цело (и об этом теперь надо беспокоиться).

Продолжение отпуска в Москве. Ворох скопившейся прессы и почти пустые полки в магазинах. В пушкинском музее – выставка о Вене, начала XX века. Чарующий Густав Климт.

4-я часть отпуска – Петрозаводск, куда полетели с Ще на маленьком ЯК-40. И отпуск, и командировка – смешанный жанр. Поселили почетно, в гостинице «Северная». Городок симпатичный с удивительным памятником Отто Куусинену, петрозаводчане зовут его просто «Рыбнадзор». На второй день съездил по журнальным делам в поселок Пряжа. Далее, 11 октября, местные кооперативные руководители делают нам большой фавор и везут на водопад Кивач. «Жемчугу бездна и серебра», – писал Державин в стихотворении «Водопад».

От брызгов синий холм стоит
Далече рев в лесу гремит...

Кивач – второй по величине после Рейнского равнинный водопад Европы.. Высота падения воды – 10,7 м. Кивач находится среди лесного заповедника. Темные ельники, дивные растения и цветы, может быть, калипсо северная, а, может, венерин башмачок. Сопровождающие

нас тут же извлекли бутылку коньяка, хлеб, колбасу, минералку и мы, глядя на водопадные брызги, выпили за карельскую природу.

На другой день нас повезли за склады деревообработки за Онежское озеро. Пахнет деревом. Все вроде бы в производственном аккурате и порядке. Далее знакомят с новыми районами Петразаводска – Кукковкой и Древлянкой. Памятник Петру (1873, скульптор Шредер). Интересен был разговор с руководителями потребсоюза Найденовым и Лиминчуком, оба напуганы идущими переменами и спрашивали меня, якобы знающего из Москвы журналиста: «А что будет дальше?!» Вечером гуляли по Онежской набережной. Чистая вода. Ветерок. Отменный воздух. Минуты благодати... В книжном купил сборничек Клюева.

Из песен Заонежья:

Малец кладочку долбил,
Долотушку притупил,
На точило девку милу
Ненароком залучил.
Я не ведаю про то –
В моготу ли долото,
Зарудело, заалело
Камень тело молодое...

Словом, карэлочка, да?..

13-го октября вернулись в Москву. Последняя заключительная часть отпуска. И снова продовольственная проблема. Мясной кооперативный магазин битком набит, даже стоять в очереди страшно. В остальных магазинах очередей нет, но и продуктов нет. В газетах горячее обсуждение программы «500 дней». Но об этом даже писать не хочется. Планы, прожекты, надежды... Лучше анекдот. Приходит приятель и говорит, что познакомит с девушками.

– А они ничего?

– Моя вполне ничего... Твоя тоже... особенно, если выпьешь.

Приходят девушки – и крик:

– Нет, я столько не выпью!

21 октября

17-го взял в сумку 17-й том своего Календаря (16–29 октября) и повез в редакцию «Мегapolis-экспресс» на ул. Огарева. Костиков от календаря пришел в восторг, на двери его кабинета под его фамилией добавлено «самый сексуальный и самый разумный». А вот самого главного – Волина – нет и некому определять: пойдет ли мой календарь в номер или нет. Ждем... А пока по песне «Мани-мани, нет рубля в кармане...».

А в Календарь все прет информация и прет. «Страницы тайной истории самодержавия», «писатели США» и т.д. Я пытаюсь ее бережно внести в свою Историю. Это я, а вот Олег С. тут как-то признался: «Жизнь прошла... ничего не видели, кроме баб и выпивки...». Ну, и кто виноват?..

Тут обрушился на меня рублевый ливень, – гонорары. А толку? Ни костюма, ни ботинок, ни стула невозможно купить, только книги и прессу.

27 октября

В редакции появился новый работник – Тихонов из народного контроля. «Он поможет повесить дисциплину», – сказал Фомин. А кто поможет с продуктами и товарами?... Вчера в отчаянии пошел в редакцию журнала «Наука и жизнь» со своим Календарем. Зам. главного Рада Никитична Аджубей (дочь Хрущева) нырнула в мой том и сказала, что это надо издавать

книгой. Я предложил вариант: давать в журнале один день месяца. Аджубей познакомила меня с редактором Еленой Васильевной и – «давайте приносите один ваш день!».

Неужели работал, пилил не зря? Гран-кусок на старость?..

4 ноября

Кажется, начался новый этап жизни. В «Науке и жизни» всю работу над «Одним днем из календаря Ю.Б.» и уже надо готовить февраль. Решается вопрос в «Экспрессе». Костюков: «Вы 30 лет ждали, потерпите еще немного...». А не вспугнет ли «Экспресс» «Науку»?

Тут встретил Наума Львовича: эмигрирует в Штаты, уже есть билеты. Добился статуса «беженец». Подтянутый, довольный: «Ведь тут будет гражданская война...» Уже говорит «тут», а в мыслях он уже «там». А что делать нам с Ще? Мысль уехать иногда приходит в голову и тут же уходит, начинать жизнь в 58 года поздно, да еще без знания языка. Нет, мы не уедем. Мне, как историку, любопытно наблюдать за тем, что происходит в России и что будет происходить. 29-го по ТВ показали похороны пицци: по Тверской ехали траурные автобусы «Мясо», «Молоко», «Овощи» и другие. Черный юмор. На смену пицци грядет голод. Вспоминаются обещания Хрущева перегнуть Америку по производству молока и мяса, и Вознесенский писал горделиво-надменные строки о соревновании двух великих держав:

От Омеги – до Омеги
Чиркнули спичкой!
«Догоняй, Америка!
Аль гипертоничка?»

И кто, в итоге, гипертоничка? СССР – это склеротичка или шизофреничка, полоумная баба, пыталась догнать, задрал подол, да не получилось: рухнула в лужу, в огромную лужу, как в Миргороде, которую описывал Гоголь.

10 ноября

5-го вызвали в «Науку и жизнь» вычитывать компьютерный текст. Странно: никакой радости, наоборот, угнетает то, что надо делать февраль. И в праздники засел. Напечатал 14 страниц. Устал так, что внутри все дрожало, и уронил ложку в тарелку с супом...

18 ноября

Погода сюрпризирует. То снег, лед, грязь, вода, пасмурно и тоскливо, словом, полный беспросвет, то неожиданно все сухо и даже просветы голубого неба. Вот только просвета нет в политической и социальной жизни. Паралич власти. Угроза голода. Согласно прогнозам ЦРУ, будем бултыхаться в переделках всех структур страны до конца века. Предстоит пенсия в условиях нехваток и развала. Горькая перспектива...

На работе идут схватки за заказы. Неожиданная удача: пачка югославских макарон, китайская ветчина, два батона венгерской колбасы. «Добытчик», – сказала Ще. Да, теперь говорят не «любимый», а сверхуважительно: «Добытчик!» И дома уже скопилось 12 кг сахара. И так в каждом доме, в каждой семье. Люди часами выстаивают в очереди и то, что им удастся заполучить, то тащат в дом, как в нору, про запас. А я еще с удовольствием таскаю в дом информацию. Тут из музыкального календаря узнал, что венгерский композитор Пал Абрахам написал оперетту «Бал в Савойе» в 1932 году. И у меня сразу возникла идея сделать подборку событий и фактов по 1932 году, году своего рождения (спустя почти 10 лет – в 2000 году вышла в свет книга «Клуб 1932», где и была реализована идея из ноября 1990 года. Идея оказалась отнюдь не химерической... 22 ноября 2010).

14 ноября работники редакции с талонами на приобретение товаров ринулись в магазин «Белград». Полчаса стояли на улице под снегом и дождем, затем начался форменный штурм Зимнего, бедную Сухареву отшвырнули на металлический мусорный бак. Схватка. Бой. А что в итоге? Всего лишь шампунь и две зубные пасты. Устал до того, что по дороге из метро «Домодедовская» уснул в вагоне. Вернулся на работу, а там свой локальный бой: заказы, кому что достанется!.. Боже, никто не работает, все только мечутся и ищут продукты и товары. Неужели Ленин со своей поднятой рукой указал именно на такую дурацкую жизнь?!..

Лично я еще успеваю читать книги, журналы и газеты и все время пополняю свой исторический Календарь. Стрижев назвал меня д'Аламбером, энциклопедистом. Возможно, и д'Аламбер, но вдрызг усталый и замотанный...

25 ноября

В понедельник 19-го метался в треугольнике «СПК» – «Мегаполис экспресс» – «Наука и жизнь». В своем журнале отработывал зарплату, в других редакциях бился за Календарь. Я разрываюсь. А Гриша в рабочее время отправился в... баню. Мы с ним в одной руководящей упряжке, а ему совсем не ведомы чувства ответственности, солидарности и товарищества. Он банным веником отмахивается от нервной повседневности...

2 декабря

Чтобы великий Советский Союз не сдох с голода, нам с Запада присылают собранное продовольствие. Стыд и позор. В магазине за молоком почти военная баталия: пакеты рвут из рук друг у друга и на полу молочные лужи. Озверение и омерзение. А премьер Коля (Николай Иванович Рыжков) и в ус не дует. Наверняка у него нет проблем ни с молоком, ни с чем-то другим.

Рубли не иначе как «деревянные» не называют. И вместо продуктов накупаю книги: Ломброзо «Гениальность и помешательство», «Санин» Арцыбашева, избранное Альбера Камю. Хватаю, а читать уже многое не успеваю. Напечатал, или, как я люблю говорить, добил март для «Науки... В какой-то день из-за сильного насморка сидел дома, занимался и жил в другие времена, в годы правления цариц Елизаветы и Екатерины, разговаривал о жизни и философии с Дидро и Вольтером. Вспоминал еще Венецию – Большой канал, дворец дождей, мост Риальто... Неужели больше никогда не увижу еще раз Венецию, Италию?..

Поскрипtum. Тогда я не верил в будущее. И никто не верил. «Нам не дано предугадать...» А в Италии, в дальнейшем, мне удалось побывать, и не раз. И в Венеции побывал трижды... (22 ноября 2010)

23 декабря

Первая ласточка Календаря – в «Экспрессе» за 14 декабря в разделе «Хобби» напечатан мой календарь под заголовком «Дневник судеб». Календарем заинтересовалась и «Сельская жизнь» (у нее тираж более 6 млн.)... Удача и на фронте дефицитов: Ще обменяла табачные талоны на мыло и мужские трусы, – такая вот се ля ви!.. И беда, почти катастрофа: погибаю от новых толстенных газет и еженедельников («Русский курьер», «Независимая газета», «Куранты» и т.д.), не могу все охватить. А еще покупаю книги... «Жизнь 12 Цезарей», Войнович «Москва 2042 года», воспоминания Родзянки, Оруэлл и т.д. А тут в «Мегаполисе-экспрессе» прочитал интервью с Юрием Нагибиным и двумя руками подписываюсь под его словами:

«...Мне 70 лет. Едва ли я увижу наступление нового века, но ничуть не жалею об этом. У меня нет ни надежд, ни иллюзий, ни ожиданий чуда. Я благодарю Бога за то, что он дал мне «посетить сей мир в его минуты роковые». И благодарю его за то, что он дал мне увидеть кру-

шение самого антигуманного строя за всю многострадальную историю человечества, который многим казался вечным. Нас ждут тяжелейшие дни, много крови, много грязи. Но история свой приговор вынесла. Хотя мне лично, как и всем людям моего поколения, впереди ничего не светит, я не опускаю рук и делаю свое дело».

Молодец, Нагибин! Я, будучи помоложе, возможно доживу до XXI века, но надежд на светлое будущее не питаю, хотя, возможно, товарно-продовольственная ситуация и переменится к лучшему. А пока гонорары тут получил немалые, но цены в коммерческих магазинах еще выше. Нормальный мужской костюм стоит 600– 800 рублей...

30 декабря

Сегодня первый выходной из трехдневных праздников. С утра на рынок. Хотел купить немного помидор и свежих огурчиков, но 30–40 рублей, – и никакой 13-й зарплаты не хватит!.. Поехали на Арбат. Снег, грязь и куча матрешек с изображением Горбачева. Серо-грязные ню на картинах без ренуаровской притягательности и свежести. Елок нет. Все хмуры и озабочены, веселятся только дети. Из вкусностей одно мороженое.

Позади 80-е годы, впереди 90-е. Что жду? Довести свой Календарь по всем 12-ти номерам года, составить себе некоторое «имя», помелькать в других изданиях и получить дополнительный заработок к пенсии. Вот такое весьма скромное желание. Желание на фоне нездоровья: проблемы с глазами, с венами на правой ноге и покалывающим от боли сердцем. «А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо...». Правда, Утесов выговаривал иначе: каррошо!..

1991 – 58/59 лет

7 января

Опомнились и объявили Рождество Христово нерабочим днем. Но нет никакого вышенного праздника. Масса нищих. Помимо стариков и старух, просящие помочь молодые музыканты. Какой-то парень играл на дудочке полонез Огинского и ему в кепку, лежащую рядом, бросали монетки. Куча спекулянтов на улицах и не только цыганки, и все объявляют: «Жвачки! Жвачки!..». Продают все: водку, сигареты, книги. И никто никого не гоняет. Свободная торговля. Не страна, а кошмарики, переходящие в кошмар.

Встречался с Черняком. Витя на коне: выходят книги. Настало его время. Может быть, и мое маленькое время когда-нибудь настанет. Были в гостях у Юры Германа, показывал свои слайд-фильмы. У него большая библиотека, доставшаяся ему от отца, архитектора: дореволюционные издания, альбомы по искусству. И, естественно, Юра воспитывался в этой обстановке: шло накопление чувства красоты, соразмерности, гармонии, вкуса. Чего совсем не было у меня в ранние годы. Я рос, можно сказать, на пустыре, без книг, и сам себя создавал в смысле культуры. Сам придумывал себе свои университеты...

13 января

Горбачев с подачи военно-промышленного комплекса шарахнул по Литве: десантники, танки, первые убитые... Империя сама подойдет, но никому не даст свободы. Будет смердеть, разваливаться, но не пущать!.. Сволочное жандармское мышление...

Ну, а я решаю пока свои проблемы. Тащил с Сокола 10 бутылок «Славянской», потом три сетки картошки, и поездка в «Науку и жизнь». Увидел сигнал первого номера. Вышел календарь! Неужели сбылась мечта? Вера Павловна когда-то говорила: «Все тикает и тикает на машинке – и ничего...». Ну, что? Дотикал. И уже делаю для журнала май. И первый гонорар за календарь (3,5 странички текста) в «Мегаполисе-экспрессе» – 43.88 на руки за вычетом налога. Лиха-беда начало...

20 января

Война в Персидском заливе, а у нас тоже кровавая драма по всем окраинам Советского Союза, от Южной Осетии до Прибалтики. Идет распад империи. И это надо пережить. Разве в 1917 году было легче, дворянам и интеллигенции, всем Блокам и Бальмонтам, когда к власти пришли кожаные куртки комиссаров и пугачевская чернь?.. А в Гражданскую войну?.. А в 1937-м?.. В сталинскую эпоху, «где так вольно дышит человек»? А в годы войны с фашизмом?.. А в послевоенные голодные и драные годы?.. Всегда было тяжело, опасно и страшно.

Александр Иванов пылает гневом: «Незыблемая власть одной-единственной партии, запятнавшей себя не только дикими преступлениями, перед которыми бледнеют деяния гитлеризма... воровская коммунистическая малина... людей целенаправленно превращали в зверей, а теперь удивляемся: откуда в нас такое?..» («Куранты», 19 янв.). Заголовок в одной из газет: «Вы слышите? Грохочут сапоги!».

Все газеты полны гнева и негодования. Страна перешла из предкризисного состояния в сверхкризисное. А тут еще этот Садам Хусейн, напичканный и наштапигованный советским оружием. Два раза шарахнул по Израилю, а теперь все просят Израиль не проводить акт возмездия. Миротворцы на стороне преступника...

Все кипит и все осточертело. Лучше о чем-нибудь другом. Как там у Льва Лосева?

Давали воблу – тысячи народу.
Давали «Сильву». Дуська не дала.

И это более жизненно, чем выпренные распевы Софьи Ротару: «Чайные розы в купе мне говорят о тебе». Какие розы, какое купе? Лживая романтика. А вот было: Ще видела в метро, как какая-то женщина сосредоточенно читала мой календарь в «Науке и жизни».

27 января

Снова страна стоит на ушах: указ премьера Павлова об обмене 100 и 50-рублевых банкнот. Очередной обман и химия. «Империя действует, как шулер», – заявил я в редакции, на что Фомин сказал: «Какая империя?! Что ты все придумываешь?!...». Он не мыслит в таких категориях. Он дальше «Ты мне, я тебе» не воспринимает жизнь. Не обобщает и не анализирует. Ну, Бог с ним!..

Так как мой Календарь заработал, нужно вспомнить, как все начиналось в стол. В середине марта 1977 года приступил к первому изданию, в ноябре 1978-го закончил. 6 переплетенных томов, более 1.300 страниц. В начале января 1983-го начал печатать второе издание, закончил 4 февраля 1986 года. Работал над ним 3 года и один месяц. В итоге – 23 тома, более 3,5 тысяч страниц. Без всякого гонорара и надежд на публикацию. Подвижнический труд!.. А затем постоянно добавлял в календарь от руки по следам новых событий и узанных фактов. Есть удовлетворение, что сделана грандиозная работа, что пошли первые дивиденды, но радость омрачена всем тем, что творится в стране.

Ни жить, ни петь почти не стоит:
В непрочной грубости живем.
Портной тачает, плотник строит:
Швы расползутся, рухнет дом...

Писал Ходасевич в 1922 году.

3 февраля

Вечером 30-го на Соколе в киоске купил 8 номеров январского журнала «Наука и жизнь». Тираж 1 млн. 357 тыс. экземпляров, цена номера 1.75. Несколько номеров раздарил в редакции. И тут звонок из «Науки»: нашли ошибку: папа Пий не XIII-й, а XII-й. Ох, уж эти ошибки. В «Независимой газете» на днях спутали дату смерти Достоевского, это почище римского папы!..

На работе получил новые деньги со странным орнаментом, похожим на обои, но с неизменным Лениным. Доверие к деньгам изменилось, и они теперь не тщательно складываются и хранятся, а разбросаны по квартире, и в частности, среди книг. Раньше вел тетрадь учета: сколько заработано, сколько потрачено. Теперь все заброшено. Пошла иная жизнь. В магазине «Диета», где когда-то на прилавке лежали масло, сыр и колбасы, лежат яйца по новой кусачей цене и... книги Агаты Кристи. Может быть, с намеком, что Пуаро найдет кем-то утаенные и исчезнувшие из магазинов продукты?..

10 февраля

Прекрасная погода: легкий морозец, – 9, пушистый снег, голубое небо в белых облачках, но воскресенье – и значит, завтра надо идти на работу, бессмысленно тратить свое время. А дома столько интересных книг, газет, журналов, вырезок, столько еще надо напечатать – и не успеваю...

Еле отвертелся от избрания народным заседателем («кивала», как сказала Чижова). Фомин, прочитав «Науку и жизнь», взъярился на меня и нашел тут же повод спустить собаку за то, что я без согласования с ним вышел на высокое начальство Центросоюза: «Разве ты не знаешь, что с первыми лицами общаются только первые лица? А если все начнут ходить?..». Я

в ответ: «Значит, первые только с первыми, вторые – со вторыми, третьи – с третьими... Ну, прямо иерархическое общество строго по Конфуцию...». Про Конфуция главный не понял и строго надул щеки.

Не удастся купить что-нибудь из молочных продуктов. Перебои с горячей водой. То и дело ЧП в метро: поезда останавливаются в туннеле. В обществе «Знание» заинтересовались моим Календарем и предложили сделать несколько зарисовок для Календаря 1993 года, которые они уже готовят. Я им предложил историческую хронику давать по месяцам, но они боятся политических оценок: «Все это интересно, но...». Первый «очерк» в две странички сделал о Марате. Для «Науки» подготовил июнь и столкнулся с проблемой: очень остро делать – не пропустят, делать простенько, без соли и перца – скучно и пресно.

Вышли с Ще на променад, она одела свою новую норковую шапку, одна без меня боится – сорвут вместе с головой. Время шапкопохитителей... Из последних книг: «Русский архив» и «Кардинал Ришелье».

17 февраля

Посмотрели американский фильм «Пляжные девочки». Сытые, довольные, думающие только о развлечениях и удовольствиях. Глядя на них, почему-то испытываешь неприязнь. Может быть, из-за того, что своя молодость прошла совсем не так, как хотелось бы сегодня.

Получил первый гонорар в «Науке и жизнь», на руки 140.65. Первый урожай с Календаря. Зашел в бывшую «Весну» у гостиницы «Советская» – зияющая пустота. И непонятно, что за страна – дураков или негодяев. Кстати, «Страну негодяев» Сергей Есенин написан в 1922–1923 годах и там есть строки:

Но к черту все это!
Я далек от жалоб.
Коль началось –
Так пускай начинается...

Одна отрада: на работе ежедневно сражаюсь в шахматы, блиц по 5 минут, с Павлом Захаровым. Идет битва: то он меня, то я его... Если не отвлекаться на книги, на шахматы, на календарь, то можно сойти с ума от нынешней жизни и от этой страны Советов.

24 февраля

В понедельник 18-го звонок по телефону из журнала «Спутник», какая-то Нина Гунеева (?) сказала, что прочитала мой календарь в «Науке» и в восторге: «Вы – наш герой... вы попали в десятку интересных людей Советского Союза!.. Мы должны о вас написать и вас сфотографировать...» Неожиданная популярность, как с неба, свалилась. И тут же приехал к нам в редакцию какой-то маститый фотокорреспондент и два раза меня щелкнул. Все в редакции пребывали в столбняке. Материал в «Спутнике» выйдет в мае... Да, действительно, вокруг Календаря закрубились разговоры. Кто-то даже сказал, что Календарь – как учебник жизни. Хожу весь в комплиментах. И опять ложка дегтя: в апрельском номере спутан Папа: не Пий, а Клемент. Ух, уж эти папы!.. Но это мелочи. Как призналась мне Рада Никитична: «Вас на летучке хвалили». И далее она мечтательно заявила: «Хорошо бы на основе того, что вы сделали издать книгу, есть тут на примете один кооператив». Верить – не верить?..

Продолжаю закупать книги (Шагал, Бахтин, Пастернак, «Цена метафоры» о процессе Синявского-Даниэля), но читать уже некогда. По анекдоту: чукча – не читатель, чукча – писатель.

За окном +1, снег, полусветло, полупасмурно, колючий февральский ветер.

3 марта

Кружусь в вихре разных дел. Для «Знания» занимался Джефферсоном и Шатобрианом (у них юбилеи в 1993-м). И сплошная «наука»: отпечатать, отвезти, вычитать. Стриж похвалил последнюю публикацию: «красота подробностей». А еще есть быт. Тут в магазине купил дорогой семги, рядом стоящая старушка злобно шипела: «Богатые только и могут себе позволить...» Попал в богатые?.. А уже на лестнице в квартиру бдительный сосед заметил: «Отварились? две сумки несете?!...».

Собираю букет комплиментов о Календаре. Эмиль: «Очень интересно чувствуется интеллигентность, изыск и интеллект автора, словом, личность...». На работе у Ще – вдова академика Зельдовича: «Чувствуется, очень интересный человек, образованный...». Но есть и другие мнения. Степунина: «Это эстетство... только эстетство...». И еще кто-то возник с вопросом, а сколько человек работало над Календарем Ю.Б.? Не он же один... Н-да. И что ответить?.. Что сказать в ответ одинокому пахарю?..

Гостила у нас проездом из Германии щекина племянница Лика Глонти, заканчивающая Тбилисский университет, нейробиолог. Проводит интересные опыты на тараканах, над «периплатанета американа» – американским тараканом. Он больших размеров и очень симпатичный, как утверждает Лика. Ей 22 года. Грузинская девочка с европейским мышлением. 2 марта провожали ее обратно, в Тбилиси... Вечером по случаю 59-летия открыли шампанского. Долго не поддавалась пробка, потом хлопок – и шампанское брызнуло на брюки и мою лысину, что привело Ще в неопишуемый восторг. Из-за больного зуба пил маленькими глотками и только на правой стороне, утешаясь мнением специалистов, что болезнь – вынужденная часть нашей жизни...

10 марта

Итак, исполнилось 59 лет и до пенсии осталось чуть меньше года. Но будет ли свобода? Будущее сулит только худшее – и в политике, и в экономике и в здоровье... По ТВ показали фильм о Горбачеве. Его мать вспоминала, как он любил играть на балалайке. А какая-то баба рассказывала, как катала его на тракторе. Словом, гигант мысли и отец русской демократии. Боже, кто нами правит?!.. Как в одной песенке:

Прошу тебя: не предлагай мне ЭТО.
Я после ЭТОГО с больною головой.

Как хорошо, что есть книги и есть Календарь. Вот последняя «добыча»: письма Ореста Сомова к Софье Пономаревой, – как писали, как мыслили, как чувствовали! А сегодня кругом одни головорезы, мутанты и хамосоветикус... Маленькая отрада: побывали в киноцентре на выставке «Ностальгия по Тарковскому». На выставке вдруг заболело сердце. Приехал домой – валидол, диван, еле пришел в себя. Что-то стал активно разваливаться...

24 марта

Увлечение (или хобби) историей начало меня подминать. Все крутится вокруг Календаря. Все читают номера «Науки и жизни» – «Один день из календаря Ю.Б.» Даже в Тбилиси, и Лика гордится: «Это мой дядя написал». А Календарь все пополняется и пополняется. Из записи Смирновой-Россет в дневнике от 2 марта 1845 года о вечере, в котором приняли участие Тютчев, Карамзин, графиня Ростопчина и другие интереснейшие и умнейшие люди, – Россет записала: «Ничего нового и необыкновенного говорено не было». Потрясающе!.. И еще событие: купил два тома Фридриха Ницше.

А на рассвете рассмеялся Заратустра в сердце своем и сказал насмешливо: «Счастье бегаёт за мной. Это потому, что я не бегаю за ним. Это потому, что я не бегаю за женщинами. А счастье – женщина».

И ещё Ницше: «Государством называется самое холодное из всех холодных чудовищ. Холодно оно лжёт; и эта ложь ползёт из уст его: «Я государство, есмь народ». Это – ложь!.. Государством зову я, где все вместе пьют яд, хорошие и дурные; государством, где все теряют самих себя, хорошие и дурные; государством, где медленное самоубийство всех называется – «жизнь».

31 марта

Вся неделя прошла под знаком чистки архивов. Сначала копил журналы, а теперь от них освобождаюсь. Как Роден, отсекаю лишнее. Выкинул гору «Огоньков», «Эхо планеты», «Новое время», «Искусство кино», «Театр», «Даугава», «Советский балет», «Совершенно секретно» и прочее. Оставил только самое жгучее, самое интересное, которое надо разнести по досье...

Получил гонорар за февральскую «Науку»: 12.20. Это – одна 10-я часть стоимости импортного утюга, немного более одного кг осетрины или 24 выпуска эротической газеты по 5 рублей за штуку. Конечно, нечего не купил. Еле добрался домой: транспорт, дороги, люди, – все вызывает отвращение. Как писал Бунин в 1925 году: «Хлябь, хаос – царство Сатаны». Эксперимент «Вовки-морковки» (то бишь Ленина)... Это тогда. А ныне: в Москву нагнали военную технику, солдат, милиционеров (коммунисты задумали снять Ельцина). Каски, щиты, противогазы для применения газа «черемуха». И что? Собрались воевать с собственным народом? Стыд и позор!.. Все мрачно и безотрадно. Спасает только Календарь...

7 апреля

Цены взлетели вверх, зарплата обесценена в 2–3 раза. Мы-то с Ще как-то прокрутимся, а как же другие, менее обеспеченные? Жалко русский народ, не народ, а горемыка какой-то!..

13 апреля

На фоне жуткой жизни и нездоровье. Проблемы с носом и носоглоткой. Прописали 10 уколов (утром и вечером – линкомицин гидрохлорид 30%), плюс УВЧ, ультрафиолет да ещё что-то закапывать в нос. Врач говорит: все дело в иммунной системе, какая-то аллергия, надо ложиться в институт и выяснять, что такое. Ложиться?! Как писал Вознесенский: «Некогда! Некогда! Некогда!». С подачи «Науки» на меня вышел Политиздат, и 11-го я поехал на Миусскую площадь, в оплот, цитадель идеологии. Некая Татьяна Дьячкова и товарки сказали, как замечательно я уел Политиздат, как все интересно и иронично, и предложили мне сделать отрывной календарь, карт бланш, но только российский. Пообещали деньги, и Ще тут же загрезила: купить бы люстру!..

21 апреля

«Все о'кей!.. а в глазах столько грусти!..» – поет Жанна Агузарова. Оно и понятно: основная работа, хождение на уколы и печатание первых страниц отрывного календаря «Русский оригинал» и сразу проблема, как втиснуть много информации в маленькие объёмы?..

Не забываем и культурные развлечения: побывали в Третьяковке на выставке Серова. Не мой художник, но все равно – интересно. Разговорились со смотрительницей зала: обожает Серова, презирает Глазунова... Домой ко мне приезжали две календарщицы из Политиздата, я им показывал свои переплетенные тома. Оценили. И даже повизгивали от восторга... На днях встречался со Стрижем, он: «Это твой звездный час!». Звездный да не совсем. Материал о Тарковском никак не выйдет в «Искусстве кино»: кочует из номера в номер. Решил взять обратно. Левин его отдал чуть не со слезами на глазах: так он ему нравился...

4 мая

Первомай газеты назвали безрадостным праздником. Действительно, радоваться нечему, кругом разбор и уныние. Лично я вкалывал на праздники: делал миниатюры для «Знания»: Ньютон, Пестель, Тинторетто. На следующий день – Парацельс и Державин, а для этого сколько надо прочитать, осмыслить и придумать миниатюру, – ручная, кропотливая работа, рассчитанная исключительно на мастера, коим, кажется, стал я. 3 мая взялся за Маркса, Маяковского и Тухачевского. Конвейер исторических портретов!.. А народ на улицах развлекается и его интересует вопрос: «Почему погиб Сталин в веселый еврейский праздник Пурим?» – такие газетки идут нынче нарасхват.

О погоде. За окном +16, небо заволочено, ветерок и чудесная молодая нежная зелень.

19 мая

Ну, и жизнь пошла. Вкалываю, сержусь, ворчу и работаю!.. Как сказал Половик: «Надо зарабатывать!». Сказал и лег на диван с книжкой... Отнес первую порцию отрывного календаря в Политиздат и получил «комплимент»: «Какой вы ответственный человек!». Дали бумагу и копирку для продолжения работы. Вышел из здания Политиздата и подумал: «А в том, что я им делаю – сплошная ересь и крамола...». По Би-би-си была интересная программа про интеллигенцию. Интеллект – это капитал. И мне пришлось время пустить этот капитал в оборот... Сражаюсь сразу на трех фронтах: «Наука и жизнь», «Знание» и Политиздат. А еще кооперативный журнал, так и не ставший родным, «СПК». От нагрузки много зеваю – Зевакини! – и проигрываю в выигрышных позициях. Шахматы как передых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.